

УДК 001

Роль и значение исихазма в русской религиозной философии

Хузиахметова Ирина Альбертовна

Аспирант,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: rena1909@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен разбор основной идеи исихазма и его влияния на русскую религиозную философию. Рассматривается формирование мистической традиции «умного делания» в православии, основанной на традиции Византийского церкви и ее влияние на русскую философскую мысль. Автор исследует сущностные черты исихазма, его духовную традицию и определяет роль феномена исихазма в русской религиозной философии; выявляет связь русской религиозной философии с мистической практикой византийского исихазма, применяя метод историко-философской реконструкции, а также рассматривает с помощью феноменологического подхода философское содержание данной проблемы – влияние исихазма на русскую религиозную философию. В результате выявляется проблема значения исихастской традиции и ее влияния на русскую религиозно-философскую мысль, которая на сегодняшний день мало изучена и требует дополнительного исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Хузиахметова И.А. Роль и значение исихазма в русской религиозной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 3-9.

Ключевые слова

Мистическое христианство, исихазм, русская религиозная философия, мистическая традиция православия, умная молитва.

Введение

Исихазм оказал огромное влияние на становление русской религиозной философии. Русская религиозная традиция базировалась в своей сути на учении Византийской церкви. Причина образования такой тесной связи лежит в свою очередь в корреляции религиозно-мистической традиции Русской церкви с Византийской. Лихачев называл такое явление «трансплантацией

византийской культуры на славянскую почву». [Оболенский, 1998, с.11]

Природа такого заимствования проявилась в сфере монашества еще в Средние века. Представление о сердечном центре как вместилище разума укореняется в восточно-христианской мистике, а новое духовно-аскетическое движение только усиливает связи между различными ветвями средневекового монашества.

Григорий Синаит и Григорий Палама, которые были последователями Иоанна Лествичника часто ссылались на «Лествицу» в своих текстах; они описывали духовный путь монаха, где важным элементом святости было восхождение по лестнице Иоанна. Но чтобы взойти на нее, необходимо было постичь ощущения полного присутствия Иисусова внутри себя, вне воображения самого практика, а путем достижения сакральности бытия.

Важным элементом было постижение такого видения, которое посещает человека, но не описывает физический образ Бога и не достигается путем воображения, но достигается путем истинного видения света, как Богоявление на Фаворе. Отсюда данную практику называют еще «видение фаворского света», как явление обожженного тела Иисусова. [Мейендорф, 2000, с. 277]. Таким образом, духовная жизнь монахов была направлена на постижение этого «фаворского света» в своей молитве за счет аскетических практик и безмолвия.

Черты исихазма как культурной традиции

Аскетическая традиция, установившаяся среди монашества, была в своей сути практикой научения контролю ума и мысли, с целью восхождения от земного мира к «святым землям где обретает Бог». И существовала она в трех ее видах: пустынночество, лавра и киновия. Пустынничество поддерживалось рассказами ранних монахов-отшельников Египта и Палестины, а также практиковалось на горе Афон; «Луг духовный» Иоанна Мосха, «Лавсаик» Палладия, – эти, и другие, истории были широко известны. Лавра – это тип монашества, переходный между отшельничеством и киновией. Монахи жили отдельно, но встречались по субботам для совместной Евхаристии. Данный типа монашества был популярен в Европе благодаря славянскому переводу житий палестинских монахов, которое описал историк церкви монах Кирилл Скифопольский в VI в.

Киновийное монашество зародилось в IV в. в Верхнем Египте и развивалось до тех пор пока не приняло свою окончательную форму при св. Феодоре Студите в IX в. Студийский монастырь в Восточной Европе противопоставляли аббатству Ключни на Западе. [Оболенский, 1998, с. 312 - 314].

Монахи киновийской общины проводили совместное богослужение, аскеза сочеталась с ремеслами и учением. Монастырь занимался благотворительностью и имел свою школу. Устав, который выработал Студий, выражался следующим образом: «наилучшим и наиболее великолепным правилом, которое воистину избегает как попустительства, так и суровости».

Наибольший отклик среди церковников получает именно киновийное монашество и как следствие, на горе Афон в 963 г. возводится киновийный монастырь, который в своей основе полагается на Студийский устав [Оболенский, 1998, с. 314]. Именно этот вид монашества установился в виде преемственности византийской традиции на Руси.

Основателем скитского жительство на Руси был Нил Сорский. Преподобный старец, побывавший на Афоне, примыкает к традиции исихазма и транслирует духовно-созерцательную жизнь монашества как практически-аскетическую форму, нежели теоретико-богословскую. Он становится мыслителем, который применяет исихазм на практике, а не в

теории [Климков, 2018, 42-49]. Монах возводит Церковь в форму мистической организации, оперируя ее мистической природой и наделяет ее функцией заботы о государстве, где монахам наделено преобразование мира, но только в воздержании от суеты мирской [Зеньковский, 1991, с. 50].

Практика исихазма представляет собой мистическое приобщение к божественным энергиям. Существует описание Иисусовой молитвы из преданий Печерских монахов: «При кажущейся внешней простоте этой молитвы она требует особого сосредоточения и определенной подготовки. Эту молитвенную практику называют «умной молитвой». Возникновение ее относят к началу монашества, а некоторые исследователи считают, что она возникла еще раньше — во времена апостолов. Произнесение имени Иисуса Христа почиталось равносильным Его присутствию. На пути этого молитвенного подвига различается немало ступеней. Высшей почиталась та, на которой молитва становилась «самодвижущей», то есть звучала помимо гласного произношения самостоятельно в сердце подвижника — средоточии духовной жизни человека. На этой ступени молитва становится постоянной, не прерываясь даже во время сна. Достижение высших молитвенных состояний сопровождается экстатическими состояниями, а также видением «умного, или Фаворского» света. В Византии эта молитвенная практика получила развитие у исихастов — молчальников» [Федотов, 1990, с. 26].

Мистическое приобщение к божественным энергиям также присутствуют в «Лествице». Данное руководство к совершенствованию представляет собой некий путь к «обожению», к духовному приобщению. В данном случае молитва - «есть пребывание и соединение человека с Богом» (Лествица).

«Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее – в том, чтобы ум заключался в словах, которые произносим и помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу... Иное есть прилежно умом блюсти свое сердце, то есть познавать себя и наблюдать за собою ... Начальником бывает ум, когда он тем, что в нем, и тем, что около него, то есть душевными силами и телесными чувствами, хорошо управляет и направляет» [Лествичник, 2013, с. 28].

Таким образом, происходит успокоение ума, которое способствует соединению молитвы с дыханием и сердечным ритмом.

По мнению Лосева, исихастами была разработана своя система «умной молитвы», которая состояла из уровней восхождения к Обожению. Словесная молитва, грудная молитва, умная молитва и сердечная молитва, где Имя Божие сначала открывалось в слове, но не было еще нужной концентрации сознания, когда мысли еще рассеяны и недостаточно необходимой сосредоточенности. Далее в молитву начинают привлекаться гортань, грудь и сердце и в момент, когда сердце начинает биться, вместе с молитвой достигается «умный экстаз» - Лосев называет это «участие в молитве каждым ударом сердца» [Лосев, 2009, с. 10].

Это дает повод для современной трактовки феномена исихазма как «психической практики». [Казаков, 1990, с. 5]. Таким образом, практика умной молитвы становится предметом изучения религиозной философии.

Так, например, Хоружий С. связывает религиозное содержание философии с разнообразными формами сознания, феноменами человеческой психики, которая позволяет сделать этот опыт предметом наблюдения и дескрипции [Хоружий, 1995, www].

Итак, предпосылкой рождения новой традиции в русской философии становится соприкосновение с традицией исихазма, где «обожение» становится этапом духовной трансформации.

Влияние исихазма на русскую философскую мысль

Исихазм, по мнению Хоружего С.С., оставил явный след на русском сознании, для которого покаяние – единственные врата новой жизни и с которого может начинаться духовная перемена [Хоружий, 1995, www].

Зарождение религиозно-философской мысли происходит под влиянием исихастской традиции, которая распространялась благодаря переводам печерских монахов и образованиям скитских обителей, таких как Оптиная пустынь, Печерский монастырь, Саровская пустынь.

Значительный вклад в святоотеческую философскую мысль оставил Иван Киреевский, у которого была тесная связь с Оптиной пустынейю.

Философия Киреевского была своего рода первым опытом общественного философствования, основанная на началах христианской целостности бытия. Идея цельности бытия личности у Киреевского заключалась в соединении мысли с верой через самопознание и самосовершенствование. Он распространяет эту идею за пределы своей аскетической практики [Судаков, 2011, с. 27].

Основной задачей святоотеческой философии Киреевский видел в любомудрии, в понимании истинного предназначения человека. Киреевский был убежден о связи представлений начал философии с представлением о святой Троице. По мнению философа, сокрытое ото всех состояний человека его внутреннее сознание, оно же глубина души, является средоточием всех сил разума, и оно одно достойно постигать высшую истину [Киреевский, 1979, с. 239].

Киреевский пишет Хомякову в их дружеской переписке о силе мысли: «Покуда мысль ясна для разума, или доступна слову, она еще бессильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только придёт в зрелость». По мнению философа, сила мысли в ее сокрытости и в молчании: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше! Практическую истину можно извлечь из этого ту, что воля рождается втайне и воспитывается молчанием» [Киреевский, 2011, www]

В данном случае мы встречаемся в философии Ивана Киреевского с чертами исихазма и отсылке к практике умного делания, силе мысли и ее сдерживанию, и воплощению.

В целом, традиция изучения исихастской практики распространялась среди русских философов достаточно широко. Русская религиозная философия изучала многие аспекты духовной жизни Восточного христианства, она в своей сути основывалась на традиции мистического богословия; традиции, которая была направлена на изменение своего ума, на внутреннее преобразование, чтобы достичь мистического опыта. Философская мысль русских мыслителей была направлена на исследование «мистического богословия Восточной церкви», на изучение богословских начал, которые были необходимы для понимания духовной жизни. Так, например, по В. Лосскому, христианское богословие устремляется к своей цели – к единению с Богом. Философ говорит об этом следующим образом: «Слово, Логос, открывает нам путь к единению с Божеством, и если воплотившееся Слово не той же сущности, что Отец, если Оно – не истинный Бог, то наше обожение невозможно». [Лосский, 2001, www]

Бердяев в своей книге «О назначении человека» призывает к пробуждению духовной силы, которая находится в непробужденном состоянии. В данном случае философ говорит нам о не подавлении страстной природы человека, а о ее трансформации. Такое изменение происходит с помощью молитвы: «Вечное значение имеет молитва. Человек есть существо, молящееся... В чем суть молитвы?.. Молитва есть разговор с Существом, возвышающимся над мировым

круговоротом, над неправдой, в которую погружен мир» [Бердяев, 1993, с. 322].

Итак, такие черты исихастской практики как контроль мысли и сосредоточение ее в сердце становятся для русских философов основной идеей трансформации личности. «Умная молитва» становится способом достижения такого личностного преобразования; преобразования, которое приводит к состоянию святости или к «обожению», а состояние обожения, в свою очередь, становится средством постижения бытия Божьего или Истины.

Таким образом, феномен исихазма становится отличительной чертой русской религиозной философии. Рождается своего рода учение о преображении человека, которое происходит через соприкосновение с «истиной». Отсюда происходит стремление русской философии к онтологизации истины, где истина не может оставаться в сфере теории, она становится причастной бытию [Шапошников, 2006, с. 255].

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию влияния исихазма на русскую религиозную философию, можно выделить фундаментальное влияние византийской мистической традиции на русское православие, рождение своей мистической традиции исихазма, основанной на скитском монашеском житии.

Традиция образования мистического социума повлияла не только на религиозную и культурную жизнь того времени, но сформировала новый виток развития мысли философской. Феномен исихазма становится отличительной чертой русской религиозной философии, который онтологизирует бытие и рассматривает истину в сфере феноменологической философии. При этом можно подчеркнуть, что формирование традиции религиозного философствования, основанного на исихастских практиках, создало большое наследие в русской философии. Русские философы были глубоко погружены в изучение мистического аспекта религиозной традиции афонских монахов, в котором видели связь с началом всех начал общей мировой философии.

Русская философия была рождена на традиции исихастов, а применение практики умной молитвы будет встречаться впоследствии в философии многих русских философов, таких как С. Булгаков, Н.О. Лосский, Н. Бердяев и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исихазм в русской религиозной философии рассматривается как процесс трансформации личности через практики контроля сознания, как процесс преобразования сознания с целью постижения умом мира божественного, что будет характеризоваться философами как «обожение» человека или соприкосновение с истиной. Высшей целью постижения такого состояния ума русские философы видели в онтологизации истины, в изучении философских начал.

Библиография

1. Бердяев Н.А. О назначении человека.: М, Из-во Республика, 1993. 383 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 221 с.
3. Казаков А.А. Пути исихазма в Средневековой Руси: попытка осмысления. // Историческая психология и социология истории 1/2022. С. 73–92
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. / О необходимости и возможности новых начал для философии: Москва., Искусство, 1979. 439 с. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-neobhodimosti-i-vozmozhnosti-novyh-nachal-dlja-filosofii/
5. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений в 2 т. И.В. Киреевского/ под ред. М. Гершензона. 2011 [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/73208-polnoe-sobranie-sochineniy/>

6. Климков О.С. Значение идей исихазма в становлении русской средневековой философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 42-49.
7. Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславии и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита с приложением перевода трактата «О божественных именах»: Санкт-Петербург «Издательство Олега Абышко» «Университетская книга — СПб», 2009. 224 с.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Библиотека «Вехи», 2001 [Электронный ресурс] URL: <https://www.vehi.net/vlossky/01.html>
9. Прот. Иоанн Мейендорф. Святой Григорий Палама и православная мистика. Москва: Институт ДИ-ДИК, 2000. 578 с. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/svjatoj-grigorij-palama-i-pravoslavnaja-mistika/1_4#sel=223:2,223:32
10. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо: [Перевод: братья Оптиной Пустыни. 1850 г.] - 8-е изд. - Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
11. Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: НИЦ Ладомир, 1998. 665 с.
12. Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского.: Рос. акад.наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. 191 с.
13. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий. 1990. 124 с.
14. Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. – 1995. – №3. [Электронный ресурс] URL: <https://synergia-isa.ru/biblioteka/biblioteka-horuzhij/> (дата обращения 17.03.2024)
15. Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков. - СПб.: 2006. 327 с.

The role and significance of hesychasm in Russian religious philosophy

Irina A. Khuziakmetova

Postgraduate, Yelabuga Institute,
Kazan (Volga region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Yelabuga, Russian Federation;
e-mail: rena1909@yandex.ru

Abstract

The article presents an analysis of the basic idea of hesychasm and its influence on Russian religious philosophy. The formation of the mystical tradition of “smart doing” in Orthodoxy, based on the tradition of the Byzantine Church and its influence on Russian philosophical thought, is considered. The author explores the essential features of hesychasm, its spiritual tradition and determines the role of the phenomenon of hesychasm in Russian religious philosophy; reveals the connection between Russian religious philosophy and the mystical practice of Byzantine hesychasm, using the method of historical and philosophical reconstruction, and also examines, using a phenomenological approach, the philosophical content of this problem - the influence of hesychasm on Russian religious philosophy. As a result, the problem of the significance of the hesychast tradition and its influence on Russian religious and philosophical thought is revealed, which to date has been little studied and requires additional research.

For citation

Khuziakmetova I.A. (2024) Rol' i znachenie isikhazma v russkoi religioznoi filosofii [The role and significance of hesychasm in Russian religious philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 3-9.

Keywords

Mystical Christianity, hesychasm, Russian religious philosophy, mystical tradition of Orthodoxy, mental prayer.

References

1. Berdyaev N.A. On the purpose of a person: M, Iz-vo Respublika, 1993. 383 pp.
2. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy. T. 1. Part 1. L.: EGO, 1991. 221 p.
3. Kazakov A.A. The paths of hesychasm in Medieval Rus': an attempt to comprehend. // Historical psychology and sociology of history 1/2022. pp. 73–92
4. Kireevsky I.V. Criticism and aesthetics. / On the need and possibility of new beginnings for philosophy: Moscow., Art, 1979. 439 p. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-neobhodimosti-i-vozmozhnosti-novyh-nachal-dlja-filosofii/
5. Kireevsky I.V. Complete works in 2 volumes. I.V. Kireevsky / ed. M. Gershenzon. 2011 [Electronic resource] URL: <https://predanie.ru/book/73208-polnoe-sobranie-sochineniy/>
6. Klimkov O.S. The significance of the ideas of hesychasm in the formation of Russian medieval philosophy // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2018. Volume 7. No. 1A. pp. 42-49.
7. Losev A.F. Selected works on name-glorification and the corpus of works of Dionysius the Areopagite with the appendix of a translation of the treatise “On Divine Names”.: St. Petersburg “Oleg Abyshko Publishing House” “University Book - St. Petersburg”, 2009. 224 p.
8. Lossky V.N. An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Library "Vekhi", 2001 [Electronic resource] URL: <https://www.vehi.net/vlossky/01.html>
9. Prot. John Meyendorff. Saint Gregory Palamas and Orthodox mysticism. Moscow: Institute DI-DIK, 2000. 578 p. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/svjatoj-grigorij-palama-i-pravoslavnajamistika/1_4#sel=223:2,223:32
10. Venerable John Climacus. Ladder leading to heaven: [Translation: brothers of Optina Pustyn. 1850] - 8th ed. - Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2013. 592 p.
11. Obolensky D. Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits. – M.: NIC Ladomir, 1998. 665 p.
12. Sudakov A.K. Wholeness of existence. Religious and philosophical thought of I.V.Kireevsky.: Ross. Academic Sciences, Institute of Philosophy. – M.: IFRAN, 2011. 191 p.
13. Fedotov, G. P. Saints of Ancient Rus'. M.: Moscow worker. 1990. 124 p.
14. Khoruzhy S.S. Hesychasm as a space of philosophy // Questions of philosophy. – 1995. – No. 3. [Electronic resource] URL: <https://synergia-isa.ru/biblioteka/biblioteka-horuzhij/> (access date 03/17/2024)
15. Shaposhnikov L.E. Conservatism, modernism and innovation in Russian Orthodox thought of the 19th-21st centuries. - St. Petersburg: 2006. 327 p.